

же время он не умел жаловаться на невзгоды — он стыдился, если был несчастен, точно сам был виноват в этом.

— Ну, Лялька, дела обстоят так... — важно начал он и тут же воскликнул, хлопая в ладоши: — Напечатали! Понимаешь, в нашей стенгазете напечатали! Сказали — отлично. Поздравляю. Теперь, пожалуй, ты настоящий поэт: напечатали!

Мне стало ужасно приятно и даже страшно. Я покраснела, выскочила в другую комнату и, закрыв глаза, расставив руки, немножко, но очень быстро покружилась, как тогда, когда была маленькой. Потом посмотрела на себя в трюмо: ну-ка, какая я стала после того, как мое стихотворение напечатали? Ведь я же теперь... настоящий поэт!»¹

Приведенный отрывок весьма знаменателен для последующего творчества Берггольц: успех ее революционного стихотворения побудил юную поэтессу на революционное творчество в ущерб лирическим темам. Из этого не следует, что она писала больше о революции, чем о любви; но из этого следует, что она ценила свое революционное творчество выше лирического. Таким образом, ее ранние стихи можно разделить на агитационные (не лишенные таланта) и — на описательные, с преобладанием лирических интонаций. Революционные декламации Берггольц были востребованы временем: первая ее публикация, которую нам удалось выявить, относится к маю 1925 г. и появилась в ленинградской пионерской газете «Ленинские искры». За 1925—1926 гг. Берггольц пять раз публиковалась в ней, причем нередко — на первой полосе. В это же время юная поэтесса вошла в литературную группу «Смена». Вот что она писала об этом в своей «Попытке автобиографии»: «В 1925 году я пришла в литературную группу „Смена“. С безумной робостью появилась я в этой группе. Мы встречались не реже двух-трех раз в неделю в доме № 1 по Невскому проспекту, под самой крышей этого дома. На седьмой этаж мы восходили без какого бы то ни было придыхания и тут же начинали читать стихи и спорить».² ЛАППовская (т. е. входящая в Ленинградскую Ассоциацию Пролетарских Писателей) литгруппа «Смена» образовалась в 1924 г. Руководили ею пролетарские поэты — сначала Илья Садофьев, затем Виссарион Саянов. В этой группе Берггольц познакомилась с поэтом Б. Корниловым, своим будущим мужем. Широта интересов «сменовцев» выходила за рамки строго пролетарской литературы. Так, в «Смене» того времени (1925—1927 гг.) читались такие доклады, как «Современное состояние поэзии», «Проза Н. Тихонова», «Творчество Марлинского», «Творчество Розанова», «Творчество Гумилева», «По-

¹ Берггольц О. Ф. Дневные Звезды. Л., 1964. С. 143—146.

² Берггольц О. Ф. Попытка автобиографии // Собр. соч.: В 3 т. Л., 1972. Т. 1. С. 8.

эзия Н. Тихонова», «Поэмы Н. Асеева», «Творчество Маяковского», «Задачи пролетарской прозы» и пр.³

С 1925 по 1929 г. Ольга Берггольц активно участвовала в литературной жизни Ленинграда. Всего за этот период ею было опубликовано 35 стихотворений в газетах, журналах и альманахах Ленинграда того времени. Первенство принадлежит пионерской газете «Ленинские искры» — 10 публикаций; затем следует комсомольская газета «Смена» — 8 публикаций; журнал «Резец» — 6; журнал «Юный пролетарий» — 5; газета «Красная панорама» — 4. В альманахах были опубликованы 2 ее стихотворения. 36—37-я стихотворные публикации принадлежат московской газете «Комсомольская правда».⁴

О Берггольц той поры современники писали: «Самая молодая и больше других „мятущаяся“ поэтесса в „Смене“. Удивительно удаются ей стихи, построенные на бытовом материале. С удовольствием прочитываются стихи „Астраханская селедка“, „Фонарь“, „Белье“ и т. д., сквозь все эти стихи лейтмотивом проходит какая-то специфическая наивность (в лучшем смысле этого слова).

Но Берггольц увлеклась за последнее время также книжными темами. Нам известны ее стихи „Народоволец“, „Академик“, печатавшиеся в „Смене“. Удивительная схематичность!

Берггольц должна вернуться к бытовому материалу. Кроме того, ей больше надо работать над словарем».⁵

Параллельно с агитационными стихами в поэтической папке юной Ольги скапливались и стихи иного рода: чувственные, живописные. При жизни поэтессы они так и не были опубликованы. Возникает вопрос: где лежит верхняя граница ранних стихов поэтессы? Полагаем, на рубеже 1920—1930-х гг., что было связано с важными событиями в ее личной жизни: расторжением брака с поэтом Корниловым, командировкой в Казахстан, смертью дочери Майи. Своеобразным стихотворным рубиконом необратимого взросления Ольги стал, на наш взгляд, первый сборник стихотворений (который так и назывался — «Стихотворения»), вышедший в 1934 г. тиражом в 3500 экземпляров. Всего в сборник вошло 19 стихотворений, самое раннее из которых «Осень» («Мне осень озерного края...») датировано 1929 г. Итак, исходя из вышеизложенного, полагаем временем ранних стихов поэтессы считать период с 1924 по 1929 г. Всего в это время ею было сочинено около 200 стихотворений; меньшая их часть была опубликована в пе-

³ Резец. 1927, дек. № 48. С. 1.

⁴ Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. М., 1979. Т. 3, ч. 1. С. 197—258.

⁵ Три года (о литгруппе «Смена») // Юный пролетарий. 1928, дек. № 1.

риодике 20—30-х гг.; другая, немалая часть была опубликована посмертно сестрой Ольги Марией. Меньшая, но от того не менее ценная часть раннего стихотворного наследия О. Берггольц находится в архивах РГАЛИ (в настоящий момент труднодоступен для исследователей) и ИРЛИ. Около 70 стихотворений из собрания ИРЛИ публикуется в настоящем издании.⁶

Указанный период представлен в РО ИРЛИ двумя тонкими ученическими, в линейку, тетрадами, и отдельными листами. Тетради интересны не только оригинальными стихотворениями, но и цитатами из других литераторов. Так, в первой недатированной тетради (без начала и конца) цитаты из Ф. Сологуба, Н. Гумилева, Бунина, Ахматовой; во второй тетради (надпись: «зима 27—28 г.»), на обратной стороне обложки поэтессой перечислены имена литераторов, произведения которых, как мы полагаем, она читала или собиралась читать. Это поэты (согласно ее порядковым номерам): Пушкин, Блок, Гумилев, Лермонтов, Пастернак, Тихонов, Клюев, Маяковский, Некрасов, Дельвиг, Есенин, Брюсов, А. Белый, Бородинский, Ахматова, Сельвинский, Асеев, Светлов, Готье, Верхарн, Уитмен. Прозаики: Достоевский, Толстой, Гончаров, Тургенев, Лесков, Щедрин, Гоголь, Лермонтов, Бабель, Федин, Бунин, Куприн, Печерский, Чехов, Островский, Форш, Леонов, Эренбург, Писемский. Критики, публицисты: Плеханов, Белинский, Писарев, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Михайловский.

Этой тетради предпослан эпитафия из стихотворения Пастернака: «Так начинают жить стихом...»; обратная сторона обложки украшена цитатами из Блока («Узнаю тебя жизнь, принимаю...») и Некрасова («Стих, как монету, чекань...»); внутри находится четверостишие из Н. Клюева: «Узкая полосынька / клинышком сошлась...».

Публикуемые стихи Берггольц интересны прежде всего влияниями поэтов-современников. Это и Есенин (стихотворение «Предчувствие», «Не жалея ты меня, не жалея...»), и Ахматова («Осень 1927 г.», «Хоть что-нибудь придумать...»), и Маяковский (например, «Среда»), и Блок («Как я часто удивлялась»), и «Сменовцы» и другие, менее значительные поэты (например, М. Шефер, стихотворение которого «Война» (опубликовано в 3-м номере «Резца» за 1927 г.) перекликается с «Войной» Берггольц). Есть в ее творениях и отголоски народных песен («У газет под бровью»). Впрочем, Берггольц умела заимствовать весь-

---

⁶ Эти материалы архива, послужившие основой личного фонда О. Ф. Берггольц, были переданы в Пушкинский Дом в 2004 г. Федором Владимировичем Янчиным, племянником поэтессы.

ма избирательно, не теряя при этом ни собственного лица, ни собственного видения мира.

Почему ранние стихи не были опубликованы при жизни поэтессы? Первая причина — их во многом ученический уровень. Вторая причина — осознанное желание Берггольц увековечить в сознании современников и потомков героические черты, железную чеканность своего стиха. Неудивительно, что именно патетика Берггольц была воспринята эпохой: первая половина XX в. была окрашена пафосом социальных свершений. Героические стихи раннего периода — предвестники «жесточкого расцвета» Берггольц, ее блокадных стихов.

Настоящая публикация призвана восполнить пробел в раннем периоде творчества поэтессы. По нему мы можем видеть, кем могла стать, но кем не стала Берггольц, но это был ее собственный выбор. Выбор этот может быть проиллюстрирован публикуемым стихотворением о встрече с царскосельской музой («Я в позе Пушкина села в парке...»).

Стихотворения публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации, следуют в хронологическом порядке, недатированные стихотворения помещены в конце подборки. В угловые скобки заключены даты, отсутствующие под стихами, но устанавливаемые по расположению в тетрадах или на переплетенных листах.

Составитель благодарит сотрудника РО ИРЛИ Наталью Аркадьевну Прозорову за консультации.

В заключение отметим, что в настоящее время работу над ранними стихотворениями вряд ли можно считать законченной, так как автографы хранятся в фонде, научно-техническая обработка которого не завершена. Этим объясняется и очевидная сейчас фрагментарность некоторых стихотворений.

* * *

Я дева белой молочной ночи,
Меня творили Невы напевы,
Гляди смелее, гляди мне в очи,
Ведь я, — не бойся, ночная дева...
Ночная дева, ночная сказка...
Я вся туманна, вся — трепетанье...
Нет, белой ночью не надо ласок,
Боюсь я страсти... ее желаний...
Я вся — стыдливость... и вся я тайна,

Я нега грусти, души томленье...
Я дева ночи... Я здесь случайно...
Я символ грусти, ее стремленья.

8.6.1924

* * *

Моей маме

Ты та, что первая зажгла
Во мне светильник вдохновенья
И научила понимать
Природы каждое движенье.
— Ты моя муза, — моя мать
Нет, ты не знала теорем,
Любовь была твоя наукой,
Но ты дала мне столько тем
И столько сил вложила в руки,
Не зная ямбов, стоп, хорей,
Ни правил стихосложенья,
Ты придала руке моей
Всю эту беглость и уменье.
И, жрица вечной красоты,
Ты до сих пор к ней не остыла,
Ты отдала мне все цветы,
Все, что в душе своей хранила.
Из них хочу венок я свить
Рукой неопытной, неловкой...
Его покорно возложить
На твою милую головку.

Твоя горячо любящая дочка
Ляля Берггольц

Ленинград 1924 19/11

* * *

В желтом небе раскидались янтари,
Лес синеющими дымками чадит,
На цветке дрожит кусок зари,
На березах раскачались фонари...
У меня в груди как струны говорят,

А глаза съедают грусть полян, —
Оттого, что пенится заря,
Что колышет белой гривой туман...
Далеко за лес упали янтари,
Затерялась в синем сумраке гора...
А цветок хранит кусок зари
В недрах чашечки до раннего утра.

Ленинград
1925 сентябрь

* * *

Октябрьские зарницы

1

...Были дни пронизаны зарницами,¹
— Нет, не дни, а вспененное пламя!.. —
Над Россией вилоь алой птицею
Грозиво-трепещущее знамя...
Мы тогда пожарами горели,
В сердце бури огнеликие вставали...
Наши зовы в солнце прозвенели!
Наши песни звезды услышали!!..
Мы с собой несли стальные зори,
Заревой подняли ураган...
Наши клики в мировом просторе
Потрясли Венеру!

Марс!!

Уран!..

Нет, скорее мертвого разбудят,
Нет, скорее высохнут моря,
Чем земля столика забудет
Огненные всклоки Октября!!

Октябрь
1925

2

Были дни, ползущие как змеи,
Дни, покрытые гноящимися струпьями,

---

¹ *Были дни* — в начальных сроках цикла — отголоски стихотворения А. Крайского «Были дни...» (1924) (сообщено Т. А. Кукушкиной).

И с веревкой на голодной шее
Жизнь казалась позабытым трупом.
И вонючий, зараженный призрак голода
Шел по селам, по полям бесплодным,
Шел по стонущему и глухому городу,
Леденил кипящие заводы...
И казалось, задыхалась революция,
Гаснет в мраке жаркий проблеск света,
И не верилось, что будут, что вернутся
Грозовые дни маящего рассвета...
Но схватив за горло призрак голода
Перли в бой красноармейские шинели, —
Потому что знали: в мертвом городе
Умирают, как собаки, на панели...
Потому что шли за жизнь — свободную —
(Знали — прошлого рассеялся угар)
И враги пред вшивыми... голодными...
Отступали, как раздавленный кошмар.
И порхали песни над траншеями,
И звенели песни под ресницами...
Знали — уползут невзгоды змеями,
Будут дни овеяны зарницами.

Октябрь 1925

Ленинград

* * *

Время

Ходит под окнами, шаркает туфлями,
Время — седо-пепельный старик,
И вздыхает время, шевелит губами,
Гонит, подгоняет запоздалый миг...
К людям Время входит и часы подводит,
Убивает дни безжалостной рукой,
И не видят люди, как оно уходит,
Как проходит мимо и стучит клюкой...
Дедка шепотливый, вечно торопливый,
Разве ты не слышишь наших укоризн?
Мусля черствый палец, злой и молчаливый,
Шепчешь ты, вздыхая, и листаешь жизнь...
Но пора настанет, молодое племя

Старику вдогонку закричит: «Постой!»
И в порыве жадном остановят Время
И взнуздают Время дерзкою рукой...

Октябрь 1925
Ленинград

* * *

Узоры

Помню вечер: был расцвечен
Грустью палевой пейзаж,
И багряной ниткой мечен
Солнца вздрагивал плюмаж.
Даль в сиреневых узорах
Залиловилась совсем...
И в неведомое море
Уронило солнце шлем.
Вышли зори на дозоры,
Раскидали жемчуга,
В бриллиантовых узорах
Разузорились луга.
Звездометною картечью
Было небо зажжено:
Из теней лиловых вечер
Плел узоры мудрено.

26.10.1925

* * *

О, синеструйная ночь,
Синяя в звездном биенье...
Сможет ли кто превозмочь
Синюю зыбь сновиденья?
Синь без конца и границ —
Тюль зачарованный звездный...
Взлеты тревожных зарниц
Стаей пылающих птиц
На ночь покинувших гнезда.

<1925>

Юность

Иногда вот
                                чуешь столько силы,
Что готов все рушить и творить!
Что смогу поднять весь мир на вилы,
Ураган остановить!!..
И в груди
                                так дерзость бьет игриво,
Вихорь дерзостный
                                так иступленно вертит,
Что смогу
                                поднять весь мир на вилы,
Плюнуть в рожу — смерти!!
Мысль от скачки искродумной в мыле —
В даль веков носилась огнеликих
Через край крутят
                                и бьются силы,
Растирают грудь
                                неудержимым криком...
Всколыхнуть бы воздух многострунный
Жарким криком, точно ночь пожаром:
«Все ко мне!
                                Кто молодой!
                                Кто юный!
В чьих сердцах мятутся солнцезары...
Все за мной!
За мной вулканным роем —
Разве сила
                                бурей не клокочет?..
Старый мир разрушим и разроем,
Разнесем старье и рабство в КЛЮЧЬЯ!!
Все в борьбу, пылающие... юные...
В чьих сердцах
                                мятутся солнцезары.
Будем строить царство гордое коммуны
На обломках
                                старого
                                кошмара!»

<1925>

* * *

Весна

Лес голубой, прозрачный, мгlistый
И в каждой ветке — дрожь весны,
И острый запах старых листьев
Смешался с запахом сосны.
Пьянит березу сок, бегущий
В стволе под шелковой корой...
Идти б все вглубь, где тени гуще,
По тропке, черной и сырой...
Остановиться б там и слушать,
Как лес идет весну встречать...
Конь молодой в конюшне душной
Заржал, копытами стуча...
Вчера, из рук у бабы сено
Клочок таская за клочком,
Он чуял, как от Аграфены
Пахнуло свежим молоком...
А ночью слышал, как металась
В хлеву корова, за стеной,
И утром, голубым и талым,
Теленка понесли домой.
...Капели звонче и напевней,
Дорога пухнет все сильней.
И старый дед пришел в деревню
С пучками липовых лаптей...

Март 1926 г.

* * *

Волга

Я газету читала долго
И нашла в уголочке тесном
Три строки, что тронулась Волга...
Эти строки были, как песня...
Ты прости, Ленинград любимый,
Стоголосый товарищ мой,
Что твои разлюбила дымы
И другое люблю весной...

Только как же любить мостовую,
Как не рваться всем сердцем — туда,
Где родимая Волга бушует
И звенит необъятная даль...

Март (?) 1926 г.

* * *

1926, весна

п. н. учителям.²

Мы уйдем, и этот день прощальный,
Мы уйдем с 12 часов...
Не забудут лестницы печальные
Перезвоны наших голосов...
Мы уйдем, и дверь махнет рукою —
Мол, прощай, бузливая орда.
«Эх, голубка... Мы ведь за тобою
Оставляем лучшие года...
Этих лет напористая поступь
За тобой иначе зазвенит...
Надо так, чтоб зоревая россыпь
Пронизала густо наши дни...
Не хотим, как бабушки и тетки,
С подоконника на жизнь смотреть,
Мы усвоим четкую походку,
И не жить мы будем, а гореть!
Надо так,
        чтоб жизнь была, как Волга,
Как весною синие луга,
До свиданья, школа,
        но надолго,
Навсегда нам будешь дорога...»
Не хочу я, как чужая, в школу
Приходить унылой и больной,
Не хочу быть временем отколотой
От семьи бузливой и сварной.
Не хочу, чтобы взглянуло строго
На меня знакомое крыльцо,

---

² *п. н. учителям* — посвящается нашим учителям.

* * *

Журавли

На пригорке, за пряслом и хлевом,
Где кусты хоровод завели,
Ткнулись шеей иссохшейся в небо
Тоскующие журавли.
У колодцев замшивлено срубы,
Как щетиной лицо старика,
И воды ледянистые губы
Не целуют у ведер бока...
И колодцам в печальное око
Не заглядывают журавли:
Им с пригорка далеко-далеко
Видны серые дали земли.
За дорогой взбегу на пригорок,
У плетня обопруся на грудь,
Посмотрю, как густеют просторы
И равнин непонятная грусть.
Хороши эти косы заката
И ворчащая где-то гроза...
И в долине далекой хаты
Разгоревшиеся глаза.
...Я хотела бы стать журавлем
Над колодцем, кривым и заросшим,
Чтоб на Русь озираться кругом,
Чтобы стать молчаливей и проще...
Чтобы слиться с равнинной тоской,
Полюбить, как сестру, синеву,
И отряхивать с шеи сухой
Перья месяца на траву.
Август 1926, Глушино

* * *

Кукушечьи зовы

I

Ох, сегодня тяжело и скучно,
От себя не оттащу тоску...
...За рекой, в осиннике трясучем

Льется в вечер мерное куку...
Обернусь на синюю опушку,
Закричу за прясла, за межи:
    «Куку-ушка, кукушка-а...
Ско-о-олько мне лет прожить?»
И замолкну, слушая дубраву,
Словно замерший вечерний куст:
В тишину, в зеленые купавы
Задрожит: куку!

ку-ку!..

ку-ку...

Восемь раз кукушка куковала,
— Восемь лет осталось повстречать...
Мало, мало... Ой, кукушка, мало! —
Через восемь цепкая усталось
У меня не ляжет на плечах.
В восемь лет всего не перемерять,
Не устать мужающей руке...
Нет, кукушка!
Я тебе не верю,
И своей кукушечьей тоске...

30 октября

1926

II

Задрожал замирающий берег
От осин предвечернего трепета...
Под тоскливый кукушкин обéрег
Затихают, задорные, стрепеты.
Лишь брекочет в лядине кобыла
Деревянным своим колокольцем,
И в закатную желть погрузила
Деревянные ребра околица.
Я сейчас ни о чем не скучаю,
Точно в мире меня и нет,
Точно я стою молочаю
Над канавою в тишине...

Ноябрь 1926 г.

* * *

Песня

Паутинки, тоньше волоса,
Виснут в чашах над тропинами...
Что-то словно меньше голоса,
Что-то больше хмурь-кручинушки?..
Ухожу из дома чаще я,
Прихожу назад — позднихонько,
Я в лесу шатаюсь чашами,
Запою — а лес заохает...
Он заохает, зажалится;
Эх ты, лес... Ты, лес — дремучий мой!..
Хорошо с тобой печалиться,
— Знать, одной тоской замучены...

Ноябрь 1926 г.

* * *

Ноябрьский май

Б.⁵

I

Стал ноябрь, как шалый май,
В небе стаял свинцовый сплав...
— Этот май я сама, сама
В замирающий сквер привела.
Смотрит май из-за черных лип,
Той же радостью губы ласкает...
А под ноги листья легли,
Что росли в настоящем мае.

II

Да, ноябрь совсем как май,
И напрасно с ухваткой лисьей
Подползает осенняя тьма
По совсем омертвелым листьям...
— Май мой милый, ноябрьский май

---

⁵ Б. — вероятно, посвящение Борису Корнилову.

Не спугнет ни дождик, ни мгла,
— Ведь его я сама, сама
В замирающий сквер привела...

14/XI — 26 г.

* * *

Все прекрасно... все понятно
И проверено...
Не вернуть того обратно
Что потеряно.

23/XI — 26 г.

* * *

О себе

Говорят:

ты девчонка шальная,
Нужно быть серьезней, ровнее.
Только я не стану иная,
Да, пожалуй, и не сумею.
— Будет время, и крепкие ноги
Вдруг почувют старушечий гуд:
Разлюблю я бродить по дорогам,
Разлюблю валяться в снегу.
Покосятся веселые зубы,
Ляжет на щеки зимний закат...
И на лбу морщины зазубрит
Неустанная дней рука.
...Вот подите, ищите другую,
У кого ухватка моя,
Кто вот так же звонко целует
И хохочет вот так, как я!
Ну, и пусть называют шальной —
Я ведь прозвище не берегу,
Я не стану, не стану иной,
Да, пожалуй, и не смогу.

28/XI — 26 г.

* * *

Только в среду встала зима,
Снег такой ненаглядно-яркий...
На конверт не наклею марки
И тебе не пошлю письма!

<Ноябрь 1926>

* * *

Зимние костры

I

Я щеки свои рукавицей потру,
Прохладные щеки с замерзшим румянцем,
И, вот, подойду к золотому костру,
И буду греться с двумя оборванцами.
Шпану, газетчика и меня
Прибило морозом издалека;
Мы греемся у одного огня,
И тает иней у нас на висках...
И дышит костер, как сосны с утра,
Краснеет гривкой в синий туман.
...Мы словно на острове — у костра,
А черный город, как океан.
И вот я чувствую: на земле
Роднее и ближе, чем мы — нет.
...Но у газетчика стала тлеть
Пахучая пачка холодных газет...

11/XII — 26 г.

II

Б. К.⁶

Снег хрупче, упорней и резче,
Я вновь по Фонтанке бреду,
И звезды, робея, трепещут
В когтях у деревьев — в саду.
Мне сторожа грузные ноги
В багровом отсвете костра

---

⁶ Б. К. — см. примеч. 5.

И белые эти дороги
Родней, чем родная сестра.
Мне странно и близко знакомы
Дрожащие огоньки
И контуры черного дома
В спокойных полыньях реки.
Все тех же оград вереницы,
Но поступь моя холодной,
И я уж не щурю ресницы
На желтые точки огней.
И я без хорошей тревоги,
Без чьих-то напористых строф
Пройду по хрустящей дороге
Среди красноватых костров.
12/XII — 26 г.

«...Адмиралтейская игла»⁷

Точно вторая луна
Адмиралтейства глаз...
Встала над ним, стройна,
Золотой ресницей игла.
Когда ласкает закат
У мостов мускулы плеч —
Игла летит в облака —
Огнем сверкающий меч.
А ночью, когда в Неву
Падает месяц стремглав —
В быструю синеву
Серебром струится игла.
И так же ее люблю
В несущемся небе я, —
Когда не уплыть кораблю
С тонкого острия.
А в белых невских ночах,
Над зеленью тополей
Теплится, как свеча,
В неба зыбком стекле.

---

⁷ «...Адмиралтейская игла» — цитата из пушкинского «Медного Всадника»: ...и светла / Адмиралтейская игла...

И станет прохладно в груди,
И радость скользнет вглубь:
Здесь Пушкин когда-то бродил
И тоже любил иглу...

27—28/<XII>1926

* * *

Что сыну пустынь ненавистны слякоть
И скверный скрипач в кино!
И девушка будет робеть, не веря
Мечте воплощенной своей...
А Харт⁸ ей расскажет
О дáлях прерий,
О гривах степных коней...
О радостной скачке... о травах горящих
И, всю ее заласкав, —
Утром, — сереньким и дрожащим,
Вернется на свой плакат...

29/XII — 26

Пград.

* * *

Еще о гармонии

*Почему так много пишут
о гармониях...*

Эх, в воскресенья, на завалинках,
Когда дергач кричит во ржи,
Все ночи песнями завалены,
Всю ночь гармошка ворожит.
И в кудри ветел — это веснами,
И в бороду снегáм — зимой,
Под белогрудыми березками
Поет завалушка — гармонь...
А здесь — за звóнами трамвайными
Задорные боры тихи...

---

⁸ *Харт* — Уильям С. Харт, кинозвезда американских вестернов 1920-х гг.

Не потому ли и скучаем мы
И в честь гармонии вьем стихи?..
Горластый город песни громкие
Орет без перерыва сам...
И звон гармоней в звенья звонкие
Не нижется по вечерам...
Но мы — такие неумные
<1926>

* * *

Пусть зовут плохими стихами
Эти строки к лучшему дню,⁹ —
Все равно, пошагаю за днями,
С злободневностью породнюсь.

Над рабочим столом, над грудой
Позатрепанных серых газет —
Загорелось российское чудо —
Золотой волховстройский свет...
И на стол — голубую поляну,
На колени ко мне впопад
Неумный, сияющий, пьяный
Льется волховский водопад.

Я ласкаю теплый и милый
Электрический колпачок...
— Страшно знать, что былинная сила
В проводах по стенам течет.
Волхов! Волхов, косматый вечно —
Сколько лет утонуло в тебе?
Ты ведь помнишь упрямое вече,
Годы: в голоде и в борьбе?

...И сегодня, на улице, в час ночной
Провода гудели над головой —
Мне казалось, что колокол вечевой

---

⁹ к лучшему дню — вероятно, к 19 декабря 1926 г., когда при участии членов советского правительства состоялось торжественное открытие Волховской ГЭС. Стихотворение написано по горячим следам события. О Волховстрое писала не одна Берггольц. Так, в № 1 журнала «Резец» за январь 1927 г. на первой странице было опубликовано стихотворение Н. Рожкова «Сто тысяч вольт», также посвященное пуску Волховской ГЭС.

Раскачивается

над Невой...

Волхов! Волхов! Весна настанет,
Я пойду к твоим берегам —
Поклониться сверканью станций,
Прикоснуться к твоим ногам.
Но сквозь радость
Шепнет тоска мне,
Причиняя терпкую боль:
«Здесь ведь нет ни единого камня
Положенного
Тобой!»
Старый Волхов! Клянусь пред тобою,
Что ребяческий долг погашу
И для сотни иных волховстров
Кирпичей на спине наношу.¹⁰

<1926>

* * *

Предчувствие

Милый друг, я наверно не встану,
Руки стаяли, словно свеча...
Жаль уйти так внезапно и рано,
Жаль невылитой силы в плечах.
Значит, мне не ходить по малину,
В жниво в пояс не кланяться ржи...
Поклонись за меня овинам,
Лошадям про меня расскажи.
Поклонись за меня дорогам,
У реки синекосой кустам...
А еще я кланяюсь много

---

¹⁰ *Кирпичей на спине наношу* — для некоторых героических стихов поэтессы свойственно причудливое переплетение коммунистических и христианских образов. Стихотворение о Волховстрое, возможно, первое тому подтверждение. Образность заключительной строки восходит к «Житию Ксении Блаженной», носившей на спине кирпичи для строительства церкви Смоленской иконы Божией Матери на Васильевском острове, о чем не могла не знать Берггольц, воспитанная в религиозной семье (мать ее была набожной). Этот прием поэтессы использовала и в дальнейшем: как в прозе (в одном из ее рассказов 30-х гг. есть такое выражение: «делом, словом, помышлением» — взятое из православной исповеди), так и в поэзии (блокадные циклы; в «Февральском дневнике» — «крещенные блокадой»).

Белым яблоням и телкам.
Поклонись и бревенчатым хатам,
И скажи, что я не приду...
— Все дала, чем была богата:
Ворох песен и ворох дум...
Но крестьяне — пускай не узнают;
Ты не кланяйся им, мой друг:
Я была и осталась чужая
Для коричневых, потных рук...
Песня им ничего не значит,
И они ее не поймут,
И гармонь обо мне не поплачет
В нависающую полутьму...
<1926>

Акварели

За синюю тенью галки
На солнечно-белом снегу
Молодая собака скакала
И лаяла на бегу.
Лапой мохнатой черной
Била в легкую тень,
А галка летела проворно
В поле, за серый плетень.
На собачью на глупую жалость
С измятых рыхлых снегов
Голубая тень исчезала,
Западала в чашу кустов.
<1926>

* * *

Про осенние листья

Мы опять собрались в школу.
Здравствуй, школьный Новый Год!..
Ветер, резкий и веселый,
Листья в воздухе несет.
На окраине, за Невою,
Там, за дымом заводским,
Так и пышет золотою,
Разноцветною листвою,

Словно заревом каким.
Есть у нас обычай в школе:
Мы проводим первый день
За Невой, в лесу и поле,
Близ чухонских деревень.
По прогалинам затишье,
Только наши голоса
Звоном радостным и птичьим
Будят важные леса.
Наломаем мы рябины,
Ярких веток наберем,
Листьев полные корзины,
Моху белого потом.
И когда вернемся в классы —
Тут уж дела вперебой:
Славно класс мы разукрасим
Разноцветною листвою.
А в окошко дождь стучится,
Видно, сердится на нас,
И тихонько пахнут листья,
Будто роща, а не класс.

<до 1927>

* * *

Старый фонарь

Б. К.¹¹

Я нынче устала и больно плечу
И даже печаль черней...
Я по окраине пройти хочу, —
По милой окраине моей.
    Застава, застава! Тебя я знаю
    С первых моих дней...
    За эти годы
        ты стала иная:
        Радостнее и стройней.
Но между новых домов и арок,
Заборов и фонарей
Я знаю фонарь:

---

¹¹ Б. К. — вероятно, посвящение Борису Корнилову.

Он старый-старый,
Он всех в переулке старей.
    Наверно, весной его сроят,
    Он так горбат и нелеп...
    Пьяный, вышел когда-то из строя,
    Да так и завяз в земле.

Он грустен и тих,
Как уставший звонарь,
Звонивший с вечера до утра.
— Я знаю, вам скучно, товарищ фонарь,
Вы даже стонали вчера.
Я думаю, мы должны утешать
Старых таких, как вы...
У наших колен летит пороша
Легче ковыль-травы.
Ну, дайте же руку, которой нет,
Не надо слезить глаза.
Нас не подслушает сонный снег,
Вы можете все сказать.
...Кудрявится иней у зябких век,
И вот, вы скрипите мне,
Что нынешней ночью чудной человек
Вас обнимал в тишине.
Он очень качался...
    быть может — был пьян,
    А может — качала тоска...
Руками сжимая ваш дряхлый стан,
Он плакал?.. или икал?..
Мне горло сдавило тоски кольцо, —
Фонарь, ты не помнишь примет?..
Я, может быть, знаю его лицо!..
Фонарь промолчал в ответ.

17/1 — 27 г.

* * *

В тумане желтое мерцанье
Огней, огней вечерových...
И ты не выйдешь на свиданье
К холодным нишам у Невы...

Ты не придешь, туманя брови,
Меня искать на берегу,
Не будешь ждать, что я любовью
Тебя от ночи сберегу...

Не примешь тихого привета,
Слегка волнуясь и устав...
...Моя коса пропахла ветром
Ночных, сверкающих застав.

Ты — просто выдумка смешная
Гранитов, ночи — и моя...
Тебя не видела, не знаю
И не хочу увидеть я.

И хорошо, что на свиданье
Не выйдешь к берегам Невы,
В тоску туманного мерцанья
Огней, огней вечеровых.

24/IX — 27

* * *

Среда

Среда за средой,
вторник за вторником,
Недели идут,
Как идут прохожие...
Я думала — дни не бывают повторные,
Все они — не похожие.
У каждого дня — лицо свое
И шаги, и голос, и мерцание глаз...
Один мне новую песню споет,
Другой расскажет новый рассказ...
И семнадцать лет, за семнадцать лет
— Среда за средой,
вторник за вторником...
И я узнала — есть на земле
Дни похожие... дни — повторные...
Они приходят, — я их узнаю
По шагам, по голосу, по мерцанию глаз.

Одни — знакомую песнь споют,
Другие — расскажут старый рассказ...
Но эти дни...

— Я не знаю их!

Ни голоса их, ни походки, ни лиц:
Уныл и бледен веселый стих,
Прищур тоски в чащах ресниц...
И в семнадцать лет,
И в семнадцать лет
Это первые дни неласковы:
Говорят, что нужно всему на земле
Верить с большой опаской...
Что не нужно беречь ни рук, ни губ,
Что нужно быть горделивей всех...
И голос их незнаком и груб
И странный у них, невеселый смех...
Уйдите!

Вы, верно, не в те двери,
Вы, наверно, не к той хотели залезть, —
Я хочу

всему на земле

Поверить

в семнадцать лет!

13/X <1927>

* * *

Закрома

Где виснут ветры-грешники
На вымерших орешниках,
На вымерших орешниках
С поветрий ноября —

Там в закромах на хуторе
Мое литое утро там,
Мое литое утро —
Курганная зоря...

Хозяева наохались,
Над озимью зима,
Хозяйственно нахохлились
Скупые закрома.

И ссыпаны в мешок они,
Замки их берегут —
Ржаные дни высокие
И вечера высокие
Под колосиный гуд...

И только ветры-грешники
От вымерших орешников,
От вымерших орешников
С поветрий ноября —

Придут свистать на закрома,
Чтоб с крыши свисла бахрома,
Чтобы по темным зернам
Прошлась моя дозорная
Курганная зоря...

1927 год ноябрь 21 год
Понедельник
Глушино

* * *

Осень 1927 г.

Я без горести и без испуга
Согласилась этой весной
Стать твоей румяной подругой,
Быть твоею веселой женой.
И пошли коротенькие ночи
Ласковой, белее полотна.
По обычью — хочешь иль не хочешь, —
Колдовала невяская волна.
И смешные городские птицы
Прилетали к самому окну,
Удивлялись, что же нам не спится
Под обыкновенную весну.
Но в густую, яблочную осень,
В эту осень, отчего ты хмур?
Словно скука синевровых сосен
Привязалась к другу моему.

И кусочками спелых радуг
Могут стать простые глаза.

<1927>

* * *

Не цыганка, а кралечка с карты
Подарила мне бубен седой
За цветной коломянковый фартук,
За узорный платок головной.

И в мои загруженные будни
Прикатился, года затаив, —
Забубенный, зазвонистый бубен
Не запомнивший песен своих.

Сколько рук загубил, заломил он
Над крутым горизонтом бровей,
Сколько раз предавался немилым
С горделивой хозяйкой своей?..

От прабабушки — к дочери — к внучке
Проходил завещанный круг,
Чтоб мелькать, хохотать и мучить
И лежать в головах у подруг...

Заклинали над ним, ворожили
Чтоб невесту, да козыри бубни,
Чтоб гусара в мужья...

Кружились

И шипели монеты по бубну...

Где ты, вещая степь,
да червонный обоз,
Да цыганское солнышко — месяц?
Да трфовый рисунок звезд,
Да винновая масть леса?..

Если сумерки встанут густые —
Не белы забелятся снежки.
Бубен, бубен — песни простые
Прихлестни к суставам руки!

Но пришелец из жизни чужой
Он брюзжит — не поет — над моей головой,

Старец спившийся — не прозвенит
Про мои деловые дни.

<1927>

* * *

Сады прекрасные!

Я в первый раз

Аллеи ваши в узел завязала,
Но узнаю по стройным строфам вас,
Проводниками ставших от вокзала.

<1927>

* * *

Уже накапливался вечер
Среди колонн соборов.
Выигрывал большие свечи
У Волховстроя город.
Меня всегда тревожит иней —
Вернее, город в инее...
Боюсь, скрадет он, синий,
У города все линии.

<1927>

* * *

И рифма на конце пера
Зеленой каплей навернулась...

<1927>

* * *

О, день, седовато-мглистый,
Клубящийся с трех часов!
О, ламп электрических листья,
Слетающие на плечо.

Но странно сказать про усталость,
И легкое сердце во мне,

Сирена о том просвистала
Виsia на замеркнувшем дне, —

Что белое море и тундра
На Невский заслали гонцов —
Товарную мглу и полундру,
Полярных медведиц лицо...

Я рада, суровые гости,
Привет, Ледовитая мга.
Бледнеют витрины от злости,
И в скверненьких скверах снега...

О, город, залгавшийся в неге,
Забывший морозы блокад,
Туманы британских набегов
И пуль разрывных облака...

Твоим ожиревшим сияньям

...

Суровое воспоминанье,
Намек на ближайший бой.

<1927>

* * *

Б. К.¹³

У газет под бровью
Налились строки,
Что войны и крови
Подползают сроки.

Выйдет милый к стойлу,
Голову наклонит:
«Кони, ой кони...
Застоялись, кони?..»

Вы отцов носили,
Гривуны простые,
По сырой России,
По тропе Барне...

---

¹³ Б. К. — вероятно, посвящение Борису Корнилову.

Пот кипел на порах,
Пар парил у челки,
Если царский порох
Возле шеи шелкал...

Но давно копыта
Не пытаются ночью
Берега отбитые
Да усталость отчью.

Кони, ой, кони,
Вы позастоялись —
Вот опять погони
Да атаки малость...

Так промолвит милый
Радостен и хмур,
Ну, а мне что делать,
Что сказать ему?

Не заплакать, нет, —
Девкам — нам:
Стыть слезам в стране
Что снегам.

Боль скручу немую —
Горячо!...
Кану к нему я
На плечо.

Я скажу: забудь-ка женино
Лицо
С другом заряженным
Ружьемом...

На войне — коне — не бойся
За жену:
Остаемся мы
Беречь страну...

Сыновей и фабрики растить
Да стеречь у хуторов пути...

Чтоб без горя-трепета
Шли станки...
Чтоб вас песней встретили
Гудки...

29 / XI <1927>

Я в позе Пушкина села в парке
На временем выгнутую скамью.
Вдруг — словно листья о ветер шаркают —
Шаги нарушают строфу мою...

Ее листопад совершенно закапал,
Старушку, возникшую передо мной,
Когда-то пунцовый — рыжел ее капор,
Салоп старомодный лысел смешно.

И лишь донельзя остроносые туфли
На пухлой дорожке рдели — одни...
Глаза загорались, но быстро тухли
В далеком дворце нежилом огни.

Но был удивительно четок и узок
Автограф ее бровей...
Ба!.. — я подумала — это муза
Еще царскосельских дней.

Да! Так и вышло.
Она присела
Непринужденно ко мне на скамью.
Смеркался сентябрь. В аллеях шипело.
Муза картавила повесть свою.

И блекло все больше лицо от заботы
У музыки; и листья слетались к нему...
«Вы знаете?.. Я же совсем без работы,
Скажите мне, почему, почему?..

Ужели мой труд перестал цениться,
Уроки мои не нужны никому?..
Только вчера продала я цевницу
Старому сторожу своему...

Может ли быть, что не стало поэтов,
Не стало полета в гусином пере?..»
Но я головой покачала на эту
Совсем из ума выживавшую речь.

Простите, гражданка!.. Эпоха иная...
От слов высокопарных устав,
Музу с успехом нам заменяют
Программа, инструкция и устав...

А вы — вдохновенье!.. цевницы!.. свирели!.. —
Писак буржуазных грехи...
Да нас за полтинник научат в капелле¹⁴
Писать резолюции и стихи...

Вы стали — укором... помехой... обузой... —
Проситесь в музей экспонатом...
Меня поняла и смутилася муза,
Подруга священных пенатов.

Она уходила... Рыжел ее капор,
Топтались дворцы — нелюдимы и злы.
Сентябрь своей золотистой лапой
Царапал колонны, аллеи, стволы.
<1927>

* * *

Мучимы похотью виолончели
Истомой расслабленные смычки...
Вот руки танцовщицы к лампам взлетели
И тоньше скрипок запястья руки...

Мущина-смокинг, с мешками у глаз,
Он женщину в красном сгибает и крутит...
Бесстыдно распластанная, прилегла
К нему ногами и грудью...

Мне дико и странно —
Не знаю, где я?
Не в кабачке ли парижских монмартров,
Где цены на женщину — рядом стоят
С ценою паштетов — на карте?

Барышень потчуют монпансье
Кавалеры из липких карманов,
Пока лысеющий конферансье
Овации клянчит обманом.

---

¹⁴ *Да нас за полтинник научат в капелле* — Вероятно, имеются в виду открытые литературные вечера и диспуты, устраиваемые Всероссийским союзом поэтов (Ленинградское отделение; 1924—1929 гг.) в помещении Академической капеллы. Входной билет стоил 50 копеек (сообщено Т. А. Кукушкиной).

Город, угаданный издалека
На севере, — по преданьям...

<1927>

* * *

Мой город

Мой город, город суженый,
Заставленный сугробами,
Спаленный и контуженный
Морозом высшей пробы...

— А в белых пуклях, в париках,
Как павловские гренадеры,
Сады — снотворные слегка,
Обходят старым маршем город.

Но их глухая пудра,
Дозоры их — не в счет:
В лицо недавней тундры
Мы смотримся еще...

Да вот оно — близехонько —
Заставы сторожит.

— Да только не заохает
Пальмирский старожил.

Да что нам?.. Заготовлено
На волховстройских закромах
У нас немножко топлива,
Сверкающего, как зима.

И сполохи, как пьяницы,
Шатаются по улицам,
Чтоб выбегали в глянце
Фасады, не сутулясь...

Впервые упомянут в письменных источниках начала XI в., в 1226 г. разрушен Чингисханом. В одном из субурганов («Знаменитом») обнаружены предметы буддийского культа (иконы, гравюры, скульптура), свыше 2000 томов книг и рукописей на тангутском, тибетском, китайском языках, тангутско-китайский словарь, давший ключ к расшифровке тангутской письменности. Находки из Хара-Хото хранятся в Государственном Эрмитаже, после посещения которого, полагаем, было написано это стихотворение.

Но не всегда о радостном
Строка моя поет;
Метель сорокоградусная
На фабрики идет.

Кричит женой израненной
Пронзительнее лезвия:
Окраина, окраина,
Когда ты будешь трезвая?

Когда, моя любимая,
Не в запах вин угроблена,
Пропахнешь только дымом
Да свежими сугробами?..

<1927>

* * *

Хоть что-нибудь придумать,
Хоть как-нибудь запеть,
Чем злиться да угрюмо
Шататься по тропе!..

Распутица в заставе
По мартовским ночам...
Забыть бы мне, оставить,
У сквера не встречать...

Зачем тебя любили
Так многие из нас?
Зачем они просили,
Чтоб не пил ты вина?

Зачем они писали
За сутки по письму?
Чтоб я рвала у шали
Густую бахрому...

Темно и сыро в сквере,
В обветренном саду...
Не верю я, не верю,
Измучаю — уйду!..

5/II.28

* * *

«В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?..»¹⁷

I

Как я часто удивлялась,
Что подслушивал чужой
То смятение, то усталость,
Приходящую за мной.

И с чужих дорог, далеких,
Песня всходит, как моя...
— Кто-то также одинокий,
Ожидающий, как я...

И звучат слова легко мне,
Замирая в полусне:
«В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?..»

II

— Как ты вспомнишь, что ты скажешь
На вопрос моих подруг?
Хоть одной из них покажешь
Золотой недолгий круг?..

— Он сжимал когда-то стройный
Безымянный палец мой,
И остывший, и спокойный
Возвращен владельцу мной...

Или ты забросил в омут,
И лежит кольцо на дне,
В стороне чужой и темной
Забывая обо мне?..

Июль 28

* * *

Но я в шелестящем саду,
Где спишь, заваясь, под скамьею,

---

¹⁷ В стороне чужой и темной... — эпитафией взяты строки из стихотворения А. Блока «Утихает светлый вечер...» (1905).

Спокойно ль тебя обойду
И буду ль смеяться с семьею?..

Уже потемнело литье,
И старая ржавчина ноет,
И мечется горе мое,
Зеленое зелье пивное...

О, стыдно, увидев тебя,
Прожить, ни о ком не скорбя,
И женскую силу свою
Отдать на двуспальный уют...

Июль 28

Саблино

Л-д

* * *

Амундсену¹⁸

Пелена, дурман и легенда
Над арктической весной,
Ставшей славною и последней
И смертельной твоей судьбой.
Человек, на волка похожий,
За походку, меха и рост,
С обмороженной гладкой кожей,
С волей, жесткою словно трос;
Ты пошел на гибель и выюгу
Так спокойно, как и всегда,
Чтоб врага выручать, как друга
От безумья, цинги и льда.

Но из дальней, дремучей ночи
Возвращается наш ледокол.
Он угрюм, прилежный рабочий,
Что костей твоих не нашел.

---

¹⁸ *Амундсену* — Амундсен Руаль (1872—1928), норвежский полярный исследователь. Стихотворение написано в связи с известиями о его гибели. В советской поэзии памяти Амундсена посвящено также стихотворение К. Симонова «Старик» (1939).

Горяча твоя рука,
От тумана влажная...

Только звезды по озерам
Залегли в осочье,
Да росой трясутся зерна
По осинам сочным.

Только белая слеза
Накипает на глазах...
Заутреет
Рассветает
<1928>

* * *

Звезды, шурша, текли по шерсти,
Морда пенилась в сполохе.
<1928>

* * *

А белое море совсем недалеко,
Белое, словно медведь, его шкура.
<1928>

* * *

Отдаленней и холодной
Отошедшего ледника
Вереницы прожитых дней,
Позабывтых нами слегка.

Но стоит лишь взять комплект
Этот — выращенный вождем,
Слышу — годы те

— по земле

Прошумели густым дождем.

— Вот —

враги с четырех сторон
Накликают смертельный срок.

Но летит боевой эскадрон
Почерневших от гнева строк.

Никуда не уйти от них!
Митингуют,
зовут,
кричат!..
Восемнадцатый!
Ты приник
Смугловатым листом у плеча.
<1928>

* * *

Русые закручивая челки,
Шарфы развевая свои —
Пропадают пропадом девчонки,
Тезки и ровесницы мои.
Их папаши валяются, что груши,
Прямо от получки дотемна,
Ухажеры прожужжали уши —
Новый быт — сознательность — весна.
Для того ль Бавария краснеет,
Та страна, — где шумно и светло,
Чтобы тело девичье, чернея —
Кровью зараженной изошло?!
Опытная бабушка не струсит,
Ухажеры скрипнут гармозой...
— Пожалей, мамашенька, Марусю,
Длинной, купоросною слезой!..

* * *

Огородная

Не беда, что руки грязные
Пахнут свежеею землей,
Да встречаться не заказано
В огороде нам с тобой!..
Целый день копала грядки я
Для картошки и бобов,
А улыбку, как ни прятала,

Все вертится меж зубов...
Приходи, когда смеркается,
В мой веселый огород...
Матка, — что ж?.. Не догадается,
Не увидит, кто придет!..
Вот пройдет еще неделюшка,
Можно будет и сажать...
Знаю я теперь, как делать то —
Агроном, чай, приезжал...
За рассадой в город рыскала...
Приходи уж ко мне:
Угощу тебя редискою,
Насолю посолоней...
Если ж после отрыгается,
Ты, забава, не горюй:
На закуску полагается
Мой горячий поцелуй...

* * *

Как ядовитые брызги
Из-за блестящих дверей,
Несутся поганые взвизги,
Хихикание нэпачей:
— «Слыхали?..»
— «Читали?..»
— «Знаете?»
— «А.. как же дома? Назад?»
И радость — трусливый заяц,
Трясет ожиревший зад...
И, скомкав газету, рабочий —
(В Союзе их не один)
Уснет на исходе ночи
С тяжелой тоской в груди...
И как это больно отметить,
И как это горько и ново,
Когда прокричит газетчик:
«Почему провалился Зиновьев!»²⁰

---

²⁰ Почему провалился Зиновьев! — Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936), лидер «новой оппозиции» в 1925 г. В дек. 1925 г. на XIV съезде ВКП(б)

Я знаю, что это — надо,
Чтоб шаг стал еще ровней...
Но кто же ответит за радость,
Украденную у дней?

17 окт.
1926 г.

* * *

Любовь друзей

То старое, забытое преданье,
О нем не стоило бы много говорить,
Но расскажу я вам затем мое сказанье,
Чтоб видели бы вы, как можем мы любить!

Пусть говорят, что нет любви и ласки,
Что чистая любовь на свете не жила,
Пусть говорят, что это только сказки,
Нет, вечно есть любовь, и будет, и была!

Нет, в людях есть любовь, великая, большая,
Что пламенит сердца и зажигает кровь,
И хоть пройди весь мир, от края и до края,
А в сердце каждого цветет она, любовь!

Могучая любовь, прекрасная, святая,
Которая к себе так властно всех зовет,
Которая природу украшает,
Сиянием своим манит всю жизнь вперед.

Как часто человек чужден людей и мира,
А для любви он возродится вновь;
Звени, звени, сияющая лира,
Я гимн пою тебе, всеильная любовь.

выступил от имени «новой оппозиции» с докладом, в котором оппонировал политическому отчету ЦК, прочитанному Сталиным. Но было уже поздно, большинство поддержало Сталина. В 1926 г. Зиновьев был выведен из Политбюро, отстранен от руководства Петроградским Советом, ЦК отозвал Зиновьева с поста пред. Исполкома Коминтерна, а затем по предложению советской делегации этот пост был вообще ликвидирован. На Объединенных пленумах ЦК и ЦКК в июле 1926 г. исключен из состава Политбюро ЦК, а в окт. 1927 г. исключен из состава ЦК партии, постановлением ЦК и ЦКК 14 нояб. 1927 г. исключен из партии.

Т́игра

Когда остывает литье,
Как сыпь выступает ночное,
— И старое т́игра поет,
И мечется зелье пивное...
Раздутое пышет лицо,
Пахнуло мочой от одежды,
И — нет ни малейшей надежды
Мушину увлечь на крыльцо;
Ведь грузчик, которого кровь
Оскаленной похотью рыщет,
За сходную цену любовь
Найдет моложавей и чище...
Но все же она пристаёт
С ухватками обезьяны,
Качается и поет
Над черным садовым бурьяном...

С пятнадцати лет — по рукам,
И вот — к сорока омертвела...
К загадочным бабьим годам,
Когда наливается тело,

И соки густые бегут,
Готовые остановиться,
И складки твердеют у губ,
И сумрак обводит глазницы...

С такую бы грудью — рожать!..
Подряд тяжелеть сыновьями,
И мужа любимого знать,
Напористого плечами,

А ты — а тебя! — у пивной
Не женщиной — латанной юбкой,
Чтоб вечно бесплодые,
                                                чтоб гной
И тело, как вялая губка,

Чтоб мог измываться любой
Над пьяной, когда захотелось...

...А мне — материнство, любовь
И радостей полное тело...

* * *

Не жалея ты меня, не жалея,
Жалость друга как горечь и боль.
И не пей с моих глаз — во мгле —
Этих слез первобытную соль...
Оботри твои губы скорей,
— Я хочу быть спокойнее всех...
И уйди,
И совсем не жалея
— Твоя жалость как горечь и смех...

* * *

День пронизан тонкой паутиной,
Кумачовый лист мету ногой;
В утлой лодке ночью над путиной
Рыбаки поедут с острогой...

Тишь и гладь.
Друг-дружку не покличут,
Козьи ножки крутят рыбаки;
Чувствуют богатую добычу
По зажиму верному руки.
Я смотрю с горушки,
из окошка,
Вижу душегубку при огне.
Завидно, обидно мне немножко
Что не станет в лодке места мне.
Только что-то им
до бабьей скуки?! —
И сказать я толком не смогу...
...Вот они зеленоватой щуке
В спину
Опускают острогú.
Ночь темнеет.
Тяжкая, что камень,
На полях роса лежит, мертва...
Кони только брякают звонками,
Звезды в небе быются,
как плотва.

Темные, невидимые кони
До зори играют на лугу.
До рассвета на реке погоня,
То и знай, — вздымают острогу.

Муж придет,
    застывший, словно глыба,
Белого отведаст вина, —
А к обеду мать зажарит рыбу, —
Верно, будет вкусная она.

* * *

Песнь о пастушонке

Месяц вышел, ласковый и тонкий,
В тихой ржи
Дергач затосковал.
Шепотлив душистый сеновал,
Не уснуть сегодня пастушонку.
На пороге лапти разувал —
Каждый лапоть дырками отмечен;
И котом ласкалась синева,
И в глаза засматривался вечер...
Зачитался малец под кустом,
От коров овес не уберег,
И сказал хозяин за столом,
Что не будет осенью сапог...
Пастушонок вымочил глаза,
На пороге сеновала тих,
Хочет вечер ласковый сказать —
Не печалься, милый, не грусти...
Но пастух ушел на сеновал
И уснуть от горести не мог:
Скажет мать полынные слова,
Изобьет, что не дали сапог.
...Звезды в рожь катились с небосклона,
И осины гнулись, говоря.
Месяц пас мохнатые суслоны
И по нивам лапти растерял...

* * *

Давно ль вы парили на аэроптице
И силы полны, и надежды...
Разбитые спины... сожженные лица...
Сомкнулись мятежные вежды...
Пусть сломаны руки... пусть нету лица,
И мертво сгоревшее тело —
Но вашу борьбу доведем до конца,
Начатое смелое дело...
Пусть были вы из гранитных рядов
Семьи работающей сплоченной —
Появятся новые сотни борцов,
В кипящей борьбе закаленных...

* * *

Не плакать... Ни стонов, ни слез, ни мольбы
Над славной могилой борцов...
Теснее сомкните стальные ряды,
Страхните остатки оков...
Не плакать... Не надо ненужных речей,
Ни фраз, ни торжественных слов...
Клянитесь бороться дружнее и смелей
Над славной могилой борцов.

* * *

Ой, хорошо на свете,
Ой, хороши снега.
Мы пред собой в ответе
За юные года...
Когда наступит старость
И ночи загудят,
Какая будет зависть
К задорности ребят...
И пусть зовут девчонкой
За косы, за возню,
Я радости ребенка
На скуку не сменю...
Я рада вешним травам,

Как заяц молодой,
И мил мне по канавам
Подснежник голубой.
Зимой же, вечерами
Домой бреду — тогда
Мне хочется снежками
Прохожих закидать!..
Эх, бегать, так уж бегать,
Играть, так уж играть,
По рыхлому по снегу,
Пугая вечера!
Смеяться — так уж чаще,
Покамест смех не груб,
А целовать — так слаще
И не жалея губ!
Эй, хорошо на свете,
Ой, веселы снега,
Мы старости ответим
За юные года —
Так пусть зовут ребенком
За косы, за возню...
Я радость свою звонкую
Не скоро схороню!..

* * *

Все дороги набухли весною,
Небо тоньше и вечер теплей.
В эту ночь приходила за мною
Песня с милых моих полей...
И до самой зари, до рассвета
Не давала мне песня уснуть...
Говорила, как птицы на ветках
Разбудили в лесу тишину...
Как синеют в сутемки просторы,
А в плетни заплелись лучи...
И холмы от проталин в узорах,
И по лужам гуляют грачи...
Скоро-скоро пастушьи запевки,
И опять широко запоют
На качелях румяные девки
Про любовную горечь свою...

Ты, простая, наивная песня,
Уходи от меня, не томи:
Город, грязный, весенний и тесный,
Сторожит меня за дверьми...
И таких, в мишуру не одетых,
Как тебя, моя песня с дорог,
Разлюбили собратья-поэты
Для культурных, отделанных строк...
Только мне ли расстаться с тобою?
Ой, не надо, не уходи!..
Все дороги набухли весною,
Вся весна отпоется в груди...

* * *

По равнинам гуляют дожди,
Сивой гривой — лесные просторы...
У деревни Ольховки в груди
Шевелится лохматое горе:
В этот год на полях по весне
От мороза корежился колос.
— Мало вяжут мешков на гумне
За скосившимся частоколом...
Потому бороздою пролег
На челе у деревни вопрос:
Не тяжел бы пришел продналог?
Не померз бы кудрявый овес?..
И снопами тоска залегла,
Крепких вязок не развязать...
И на поле сквозь муть стекла
Смотрят грустно бабьи глаза...

* * *

Я пьянею от запаха книг
От шуршания мудрых страниц...

* * *

Милый друг, я надолго-надолго,
В этом городе, грустью обугленном,

Затоскую о небе над Волгой
И о тихом моем об Угличе...
В сером домике, с крышей поношенной,
Где по стенкам вскарабкался хмель,
Проведу я, тиха и заброшена,
Много-много холодных недель...
Буду в городе вечером снежным я
Возле храмов старинных бродить,
И стеречь мечту неизбежную,
И тебя хоронить в груди...

* * *

Бег

...и всюду пахнет липами,
и никуда не денешься,
И от кого скрываться,
и от чего бежать?
Звезда с зенита падает,
подскакивая денежкой,
И под ноги кидается
горючая межа.

И жизнь растет, шевелится,
родная, торопливая,
Большая, ненасытная, —
как радость и азарт,
И я — ее ровесница,
и я — ее счастливая,
Ударница и песенница,
серые глаза...

* * *

Городу

Снова брови заставила хмуриться
Городская бесстыжая пыль,
Снова я на асфальте улиц
От зеленой лесной тропы.